

§ 5. Моральная философия

1. Этические воззрения эпохи русского европеизма развиваются в общем русле новоевропейской философии, постепенно обособляясь от традиций средневековой «душеполезной» литературы. Этому способствует, прежде всего, формирование самостоятельной этической терминологии. Просветительская этика устанавливает иную цель человеческой жизни. Это уже не достижение личного спасения, как это признавалось в церковной традиции, а служение другим людям, обществу, достижение «общей пользы». Этические поступки находят оправдание в разуме человека.

Для объяснения моральных действий просветительская этика отсылает к гипотетическому «моральному пространству», в котором действуют «моральные существа», понимаемые не только в качестве отдельных личностей, но и в качестве «сложных индивидов», т. е. коллективных субъектов. Моральное пространство – это пространство должного, определяемого понятием статуса. Здесь получают содержательную интерпретацию такие термины, как всеобщее благо, сводимое к рациональной государственной деятельности и регулирующее эту деятельность в качестве конечной цели; коррелятивным всеобщему благу служит понятие всеобщей воли, которая есть чистый акт разума; добродетель и добродетельный поступок, определяемые как соответствие природе; представление о нормативных законах (в том числе и юридических), которые истолковываются как разновидность естественных законов, входящих в непосредственную компетенцию науки.

2. Примечательный опыт истолкования проблемного поля моральной философии принадлежит *Василию Кирилловичу Тредиаковскому* (1703–1769), известному русскому поэту и мыслителю, неутомимому труженику на ниве отечественного просвещения.

Сын священника, он учился сначала в Славяно-греко-латинской академии, а затем изучал богословие, философию и математику в Голландии и Франции. Занимался изучением русской поэзии, создал систему силлабо-тонического стихосложения. Активно занимался переводами. Наибольшую известность ему принес перевод романа Поля Тальмана «Езда в остров любви» (1730), изображавший чувства изысканной любви, новые в то время в России. Осуществленный им перевод шестнадцатитомной «Римской истории» Роллена он снабдил собственными обширными предисловиями. Проблемам моральной философии Тредиаковский посвятил небольшой трактат под названием «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели» (1752), в котором поместил

также краткий словарь французских, латинских и греческих философских терминов, с соответствующими им русскими эквивалентами.

Моральную философию Тредиаковский относил вместе с политикой к области практической философии, или «деятельного учения». Согласно принятому в то время делению, он различал в моральной философии естественное право и собственно этику, дополняя ее учением о страстях или, по его терминологии, «патологией».

Поясняя эту градацию, он пишет: «Из сих есть, во-первых, философия нравственная и потом философия гражданская, или политика. Нравственная философия может иметь основательно тричастный раздел: первый есть право естественное, в котором предаются правила правды: второй эфика, в коей честное и достолепное изъясняется, именно ж добродетель... Третий есть патология, то есть учение о страстованиях или пристрастиях человеческих. Патология по своему существу есть способ воли, коим наш ум, представляя себе доброе и злое, чрезвычайно преклоняется к получению оногo, а к убежанию от сего, равно как и кровь, и жизненные духи в теле возмущаются особливо, для человеческого сохранения»¹.

По-новому осмысливая традиционное учение о страстях, Тредиаковский отмечает, что страсти не обязательно являются греховными. Страсти, т. е. человеческие желания, намерения, влечения, могут склонять человека как к совершению добрых, так и злых поступков. Бывают страсти этически нейтральные. Источником страстей является самолюбие, свойственное всем людям. Область желаний, влечений перестает восприниматься Тредиаковским как почва проявления дьявольских искушений и переносится исключительно в сферу внутренних человеческих отношений.

«Ежели страстность клонится к вещи и концу законом ни завещанному, ни запрещенному, то страсть есть неразственна, то есть ни добра, ни зла. Буде ж к повелительной и позволенной вещи, то пристрастие есть нравственно добро. Но всякая страсть зла есть, когда она стремится как к вещи и окончанию законом запрещенному, так и когда к вещи хотя позволенной, однако не с достосложною степенью и напряжением. Следовательно, все обще страстования или добры, или злы, или ни злы и ни добры: добрые требуют побуждения, злые воздержания, а неразственные обоего. Страстности вообще даны нам для того, чтоб им быть орудиями нашего блаженства как внутреннего,

¹ Тредиаковский В.К. Слово о мудрости, благоразумии и добродетели // Соч. и переводы. В 2 т. Т. 2. – СПб., 1752. С. 269.

так и внешнего, то есть споспешествовали б они спокойствию душевному, здравью нашему и безопасности в сожитии»¹.

«Всем страстностям повод есть удивление: сего содруги почтение и презрение. Но корень страстей есть самолюбие. Главнейшие страсти: любление и ненависть. Из сих непосредственно происходящие: желание и нехотение. Из прошедших смешанные: надежда и страх; радость и печаль; гнев и доброходство»².

Задача этического учения состоит в «утишении» страстей посредством благоразумия. Для Третиаковского это и есть подлинное «добронравие». «Добронравие, бесспорно, есть навык воли нашей к люблению всего честного и законом повеленного»³, – поясняет он. Под благоразумием он понимает согласие нашей воли с разумом. Благоразумие, таким образом, есть разум практический, или разумная воля. Трактую моральные вопросы в категориях воли, Третиаковский уточняет и собственно этическую терминологию: цель, средство, выбор (свободная воля), намерение, отказ, удовольствие или наслаждение и др.

«Что разум рассуждает быть истинным, то самое воля свободно изобретает добрым. Способ воли нашей есть двоякий: хотение и отвращение. Первым разум наш судит, и к люблению того преклоняет волю, что он почитает за доброе; но вторым отводит ее от всего, что ему судится быть злое. Воля наша, любящая всегда добро, так к нему преклоняется, что иного хочет для него самого, а иного ради добра другого. Первое добро называется концом (finis), но второе средством (medium). От сего различные бывают воли нашей деяния. Старающиеся о конце, хотение сие есть намерение; пользующися оным, есть оно наслаждение; в средствах же упражняющиеся, тож хотение есть уже избрание (electio); а отвращающиеся от оных, отвращение (relectio). В сем состоит нашего произволения самовластие»⁴.

Посредством воли человек выбирает добро или зло. Моральная философия обосновывает предпочтение добра перед злом, побуждая человека стать «на путь правоты, честности и достолепности»⁵. Усилием воли преодолеваются и человеческие пороки.

Согласно Третиаковскому, цель «воли ж свободно клониться к добру, предпочитать полезное и разделять оное от вредного. Ибо как ис-

¹ Там же. С. 270.

² Там же. С. 273.

³ Там же. С. 295.

⁴ Там же. С. 240–241.

⁵ Там же. С. 243.

тина есть конец всего нашего познания, так добро – цель всех наших есть деяний»¹.

«Воля равным же образом долженствует повергнуть долу многих злых себе супостатов, прежде нежели возможен торжествовать в вожденной правоте. Первый ее соперник есть любление; второй – ненавидение; третий – надмение; четвертый – самомнение; пятый – сладострастие; шестой – сребролюбие»².

Согласное с разумом стремление воли к исполнению предписанных человеку обязанностей или должностей Третьяковский называет добродетелью. Источником добродетели является «разумная любовь». Из нее выводятся и все прочие добродетели, относящиеся как к внешней, т. е. телесной, так и к внутренней, т. е. духовной, жизни человека.

«Какое ж добродетели и существенное начало, из которого происходит! И основание ее, на коем она утверждается! Есть то любовь, но любовь разумная. Сия любовь делает, что мы не по страху казни, но по обязательству и добровольно исполняем должности наши... Любовь сия разумная так в уме и сердце нашем действует, что мы искренно, постоянно и благомысленно дела наши производим. Итак, всех вообще добродетелей, кои эфика исчисляет и нарицает собственным каждому именем, как то для безопасности в сожитии: справедливость, бескорыствование, истинство, молчаливость, словоумие, послушание, почтение, благоутробие, доброприветливость, услужливость, правота; для здравия телесного трудолюбие, ошадство, трезвость, чистота; для душевного спокойствия – великодушие, крепость, терпение, правосердие, или благодать, кротость, умеренность, целомудрие или воздержание, достаточество, да и верьх сих и венеч в участи своей полной благишии; всех, вещаю, вообще добродетелей свойства суть: искренность, благорассуждение и постоянство»³.

Добронравный человек, следуя велению разумной любви, соединяет в себе добродетель с мудростью и благоразумием. Другими словами, «три сии навыкновения, то есть мудрость, благоразумие и добродетель сопрягаются братским союзом в человеке нравственно совершенном»⁴. Именно их единство приводит человека к счастью или блаженству как цели человеческой жизни. Счастье состоит в безопасном существовании, телесном здоровье и душевном спокойствии.

¹ Там же. С. 237–238.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 289–290.

⁴ Там же. С. 292.

Таким образом, Тредиаковский окончательно преодолевает богословски ориентированное истолкование этики. Обуславливая моральные поступки исключительно волей, он демонстрировал, что категории этики принадлежат к области внутренних человеческих действий. Добро и зло начинали восприниматься в качестве выражения человеческих влечений, желаний, хотений и т. д.

3. Несколько иную интерпретацию этических понятий дает *Александр Петрович Сумароков* (1717–1777), предпочитавший греческому термину «эфика» и русскому «нравственность» их латинизированный эквивалент «мораль».

Родился в Москве. Обучался в Сухопутном шляхетском корпусе, где начал заниматься литературной работой, перелагая стихами псалмы, сочиняя «поздравительные оды» императрице Анне и песни. В 1740 г. был зачислен на службу. Известность ему принесла напечатанная в 1747 г. и сыгранная при дворе труппой Ф. Г. Волкова трагедия «Хорев». Поэт и драматург, Сумароков был видным представителем классицизма в русской литературе XVIII в., возглавлял первый русский постоянный театр (1756–1761), в котором ставились его пьесы, издавал первый в России частный журнал «Трудолюбивая пчела» (1759). Литературное творчество Сумарокова разнообразно по жанрам (оды, сатиры, элегии, эпиграммы, эпитафии), к нему примыкают и небольшие философские трактаты, многие из которых были опубликованы только после смерти автора: «Некоторые статьи о добродетели», «О несправедливых основаниях», «О разумении человека, по мнению Локка», «О новой философической секте», «К добру или к худу человек рождается», «О слове “мораль”», «Основание любомудрия».

Как и Тредиаковский, Сумароков видит источник подлежащих этической оценке человеческих поступков в «самолюбии и любочестии», т. е. в природе человека. Исходя из утилитаристских идей, он признает, что каждый человек всегда радеет исключительно о собственной выгоде; даже к общей пользе он тяготеет лишь постольку, поскольку в этом находит свою личную выгоду. Самому себе человек не будет причинять зла, по крайней мере, намеренно. Недоброжелательное же отношение к другому человеку вполне естественно. Соответственно, перенесение акцента с «любви к самому себе» на «любовь к другому» Сумароков признает целью морали. Достигается это посредством просвещения и «воспитания к добродетели». Мораль, таким образом, неизбежно имеет общественный и в этом смысле принудительный характер.

«Человек рождается ради себя к добру, а ради другого человека и ради всякого другого животного у худу. Каждое дышущее вредоносно другому дышущему, и во своем и в чужом роде; ибо и не только твари тварей чужеродных, но и своеродных погубляют, и что все твари друг другу, и во своем и чужом роде к худу рождаются, в том нас ежедневные уверяют опыты. Общая польза не ослабляет сего доказательства; в ней имеет каждый свой собственный прибыток. Во всех сообществах, как у человеков, так и у других тварей, согласие о собственном и участного своего прибыточества учреждено, а не от любви к подобной себе твари. Дружимся и любимся мы ради самих себя. Другого любим, любя себя, ненавидим от ненависти к другому. Не естеством, но моралью и политикою склонны мы к добродетели. Мораль есть познание премудрости Божией и вечного устава, покоящегося на непоколебимой славе. Политика есть познание премудрости человеческой и временного устава, покоящегося на непоколебимой пользе... Мораль и политика делают нас по размеру просвещения разума и очищения сердец полезными общему благу. А без того бы человеки давно уже друг друга без остатка истребили»¹.

Мораль прививается, навязывается человеку посредством воспитания или политического воздействия. Общественный и дисциплинирующий, т. е. внешний по отношению к индивиду, характер морали приводит к тому, что и регулироваться она должна, по мысли Сумарокова, внешним образом. Так, он, в частности, не признает действенность покаяния, настаивая на непременном наказании преступников. Добро не есть внутренне волеизъявление человека, а дело, действие во внешнем мире.

«Не делать худа, не есть добродетель: добродетель есть делати людям добро, коли можно; похвально и то, что я могу и не делать людям худа; но то еще не добродетель... Каждый человек имеет могущество благодеяниями своими снискати добродетель»².

Эгоизм хотя и «природен» человеку, но не угоден Богу. Нравственно позитивное поведение предполагает действие ради другого человека. Цель жизни – служение другим людям и обуздание пороков: эгоизма, тщеславия, гордости, низости, подлости, трусости, «преступления данного слова... преступления клятвы», низкопоклонства, лихоимства, плутовства и проч.

¹ Сумароков А.П. К добру или худу человек рождается // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. Т. 2. – М., 2010. С. 32–33.

² Сумароков А.П. Некоторые статьи о добродетели // Там же. С. 12.

«Творите благо ближнему: а сим благом соделаете благо Богу: а инаго блага мы ему учинить не можем»¹. «Мы живем ради того, чтобы славили Бога и взаимно друг другу помогали. А кто себя только помнит и не печется о других, оный есть враг не только ближнего, но и Божий»².

Основное этическое правило, признаваемое Сумароковым, сводится к известному библейскому принципу: «чего не хочешь ты себе, того не желай другому»³. Это он называл честностью, доказывая, что «она еще и нетрудна: ибо в том она и состоит только: делай то другому, чего ты себе желаешь... желай добра другому по размеру желания собственности»⁴.

Врожденный человеческий эгоизм, постулируемый Сумароковым, приводит его к пессимистическому взгляду на общество. Зло, эгоизм, желание личной пользы в ущерб другому характеризуют реальность нашего мира. Однако без зла мы не могли бы различать и добро. Сумароков рисует пространственный образ добра как нормы, опознаваемой лишь посредством ее нарушения. Но и зло, согласно этой модели, оказывается поколеблено в реальности своего существования. Оно утрачивает собственное содержание и начинает пониматься лишь как умаление добра.

«Худого на свете делается больше, нежели хорошего... человеческое невычещенное, или, лучше сказать, испорченное естество больше к похулению, нежели к похвалению, склонно»⁵.

«Не от худа к добру простирается естественное течение, но от добра к худу»⁶.

«Добро в центре и совершенно, а от центра простираются в худо бесконечные линии. Что далее худо от добра, то хуже оно. Совершенство не имеет степеней. Следственно, ничего нет лучше Бога; ибо совершенства лучше быть не может. Несовершенство степени имеет и бесконечно; следственно, нет такого худа, которого не было бы еще хуже»⁷.

Этическое учение Сумарокова является наиболее ярким примером утилитаристского истолкования морали в России XVIII в. Вместе с этим он не случайно предпочитает слово «мораль» другим его

¹ Сумароков А.П. Слово VII. О любви ко ближнему // Там же. С. 41.

² Сумароков А.П. Некоторые статьи о добродетели. – С. 16.

³ Сумароков А.П. Слово VII. О любви ко ближнему. – С. 40.

⁴ Сумароков А.П. Некоторые статьи о добродетели. – С. 10.

⁵ Сумароков А.П. О несправедливых основаниях // Там же. С. 21.

⁶ Сумароков А.П. К добру или худу человек рождается. – С. 31.

⁷ Там же. С. 32.

синонимам, желая подчеркнуть общественную, внешнюю по отношению к индивиду природу этических норм, что непосредственно сближает этическое понятия с конвенциональными нормами политики и юриспруденции.

4. Мнения о том, что мораль, будучи выражением разумной деятельности, неотделима от просвещения, придерживался и *Николай Иванович Новиков* (1744–1818), выдающийся публицист и издатель екатерининской эпохи.

Окончив университетскую гимназию в Москве, Новиков в 1762 г. поступил на военную службу. Выйдя через шесть лет в отставку, занялся литературной деятельностью. Издавал журналы «Трутень» (1769–1770), «Живописец» (1772–1773), «Кошелек» (1774), «Санкт-Петербургские ученые ведомости» (1777), «Утренний Свет» (1777–1780), «Вечерняя Заря» (1782), «Покоящийся Трудолюбец» (1784–1785). Переехав в 1779 г. в Москву, сблизился с масонами¹. В 1792 г. по распоряжению Екатерины II Новиков был арестован и до 1796 г. находился в Шлиссельбургской крепости.

¹ Массонство начало распространяться в России в 1730–1740-е годы в виде нескольких систем: английской, рейхелевской, шведской и розенкрейцеровской. Увлечение масонскими идеями в России являло собой форму внецерковной религиозности и поиска истинного религиозно-этического учения, ставших своеобразной реакцией на кризисные явления в русской церкви, вызванные церковной реформой Петра I. Массонство активно использовало строительную символику, поэтому его последователей также называли «вольными каменщиками». Философская основа масонства представляла собой эклектическое смешение просветительских идей, неоплатонизма, гностицизма, каббалы и средневековой христианской мистики. Наибольшей популярностью среди русских масонов пользовались сочинения таких европейских мистиков и теософов, как Я. Беме, И. Арндт, И. Масон, Л. К. Сен-Мартен. Ближе всего с просветительской идеологией сходилаcь Английская система, «Великим Провинциальным мастером» которой был И. П. Елагин. Обращение к естественной природе человека в построении морали, деистические и скептические тенденции в отношении христианства, характерные для елагинского варианта масонства, привели к тому, что масонство стало отождествляться с «вольтерьянством». Однако с 1780-х годов в масонстве усилились мистические тенденции. Одна из них была представлена рейхелевской системой, стремившейся к сближению с христианством. Крупнейшим последователем этого типа масонства в России был Н. И. Новиков. Мистическое направление в масонстве было представлено розенкрейцеством, идеология которого разрабатывалась в трудах профессора Московского университета И. Г. Шварца и И. В. Лопухина. Организационно масонство существовало в форме лож – системы тайных организаций со сложной иерархией степеней и посвящений. Внешней стороной существования российского масонства стала активная просветительская деятельность в сфере образования, книгоиздания, пропаганды знаний и т. п. – См. подр.: *Пыпин А.Н.* Массонство в России. XVIII и первая четверть XIX в. – М., 1997.

«Премудрость есть действие разума, – отмечает Новиков, – непросвещение ума и необузданность сердца всегда находятся вместе»¹. Добродетель является одновременно и средством, и следствием просвещения. В просвещенном разуме истина как результат знания совпадает с добродетелью как результатом благой жизни. Единство знания и добродетельной жизни, истины и блага основывается на единстве предмета, рассматриваемого просвещенным умом в двух аспектах – со стороны разума и со стороны свободы: «каждый предмет имеет два вида, из которых один принадлежит разуму, а другой, относившийся к нашему благосостоянию, принадлежит к свободе»².

Добродетель формируется внешним образом. Это то, что привносится в человеческую природу, задается, воспитывается, в широком смысле прививается. Поэтому добродетель складывается под воздействием внешних усилий, часто представляющих собой лишь совокупность нравоучительных примеров.

«Все может служить к добродетели: разум читаемых нами авторов, вкус посещаемых нами приятелей, отеческие наши законы и все то, что мы слышим, входит в наши нравы, получают и они вид тех предметов, которые нас окружают»³.

Нравственность приобретается в сфере публичности, внешних отношений, залог морального воздействия которых состоит в регулярности, в следовании правилам, в контроле не только со стороны государства (через наказание и награду) и публичных отношений в целом (через порицание и одобрение), но прежде всего над самим собой. Внешняя и внутренняя дисциплина, самоконтроль необходимы для поддержания добродетели. Но чтобы добиться этого, «нужны долговременные рассуждения, намерения, часто подтвержденные, и беспрестанные старания, которые бы могли нас удерживать на пути добродетели»⁴. Нравоучение, или практическое наставление, нуждается в правилах, благодаря которым становится возможным рассмотрение видов добродетели: прямое добросердечие, благожелательство, гостеприимство.

В основе добродетельной деятельности лежит чувство внутреннего удовлетворения, которое есть «первый плод, первое воздаяние

¹ Новиков Н.И. О добродетели // Избр. соч. – М., 1952. С. 396.

² Там же. С. 396

³ Там же.

⁴ Там же.

добродетели»¹. В то же время нравоучение само «должно служить правилом наших поступков... во всех отношениях и состояниях»². На этом основывается широкое толкование Новиковым нравоучения как науки или, вернее, дисциплины жизни.

«Нравоучение есть наука, которая наставляет нас, управляет действиями наши к нашему благополучию и совершенству, которая внушает нам истинные правила великих должностей наших ко Творцу, высочайшему нашему благодетелю, к ближним и к себе самим, которая предписывает сии должности и показывает средства к достижению оных»³.

Новиков дает еще одно истолкование добродетели – утилитаристское. По его словам, назначение человека состоит в том, чтобы «весь мир сей созерцая, веселится и всяческие выгоды из оного извлекати; да и надежно сказать возможно, что Бог весь мир для каждого человека устроил таким, каков он есть, а не иначе»⁴. Мир предназначен для извлечения человеком пользы. Но принцип взаимной выгоды пронизывает все мироустройство и предписывает соответствующий тип поведения человека. Следуя универсальному принципу пользы, Новиков призывает каждого человека служить средством для достижения пользы другими людьми и государством.

«Всякий в государстве ли, в земле ли какой или во граде живущий человек, почитая себя *средством*, долженствует своему отечеству и каждому своему сочеловеку служить и быть полезен»⁵.

Принцип пользы не противоречит божественному миропорядку и вписывается в иерархическое устройство мира. Все в мире, утверждает Новиков, извлекает пользу из другой, внеположенной вещи, и только Бог доставляет пользу себе сам. Только в нем источник пользы и результат (выгода) совпадают.

«Бог никоим образом от вещи вне себя не может иметь пользы: ибо он сам в себе столь совершенен, что ему самого себя для себя довольно и не имеет нужды ни в какой вещи. Он, напротив того, сам совершенно полезнейшее существо»⁶.

¹ Там же. С. 401.

² Там же. С. 402.

³ Там же. С. 401.

⁴ Новиков Н.И. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру // Там же. – С. 391.

⁵ Там же. С. 392.

⁶ Там же.

«Самополезнейшее» Божество, с одной стороны, венчает «взаимовыгодно» устроенный мировой порядок, а с другой – служит источником блага для всех земных существ. Польза и выгода, согласно такому воззрению, не только определяют содержание этических поступков, но и обосновывают смысл всякого существования. Польза воспринимается как необходимый атрибут мирового порядка, как следствие его исправного состояния, когда каждая вещь занимает подобающее ей место. Нарушение мировой слаженности, ладности и упорядоченности, «ежели что не в своем употребляется месте, то не только не пользует, но и вредит»¹. Здесь ясно просматривается влияние лейбнице-вольфовской теории предустановленной гармонии, составлявшей моралистическую доминанту русского европеизированного сознания эпохи Просвещения.

Значение русской нравоучительной философии XVIII в. состоит в постепенном преодолении средневековой традиции, в обособлении этической проблематики от богословия. Разумеется, Бог еще входит в предметное поле практической философии, но ее содержание определяют уже другие отношения: к самому себе, к другим людям, к государству. Появляются и две попытки обоснования нравственности: онтологическая и утилитаристская. Согласно первому подходу, сфера моральных отношений непосредственно отождествляется с гражданским состоянием. Это область действия договорных норм, регулирующих как межличностные отношения, так и отношения между индивидами и правительством. Утилитаристский подход строится на индивидуальной выгоде, пользе, приобретаемой людьми в процессе их взаимодействия. Оба этих подхода получают в дальнейшем развитие в русской философии классического периода.

Философия русского европеизма отчасти продолжила ту линию развития, которая сформировалась еще в предыдущем столетии, отчасти же привнесла новые тенденции. Прежде всего, в XVIII в. в России появилась профессиональная философия, связанная со становлением системы образования. Стали публиковаться учебные курсы по философии, сначала на латинском языке, а в 1751 г. вышел и первый русский учебник по философии – «Знания, касаю-

¹ Новиков Н.И. «Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства знание» // Там же. – С. 409.

щиеся вообще до философии» Г. Н. Теплова. «Школьная» философия, преподававшаяся в российских учебных заведениях, следовала основным образцам университетских курсов, распространенных в Европе. Русская философия вступила в период ученичества.

«Школьная» философия, несмотря на то, что она не была оригинальной, имела большое значение для становления отечественной философской традиции. В рамках «школьной» философии шел процесс формирования профессиональной философии, сыгравшей заметную роль в процессе повышения общей интеллектуальной культуры российского общества, в развитии культуры философского мышления. Профессиональная философия в первую очередь была занята выработкой русской философской терминологии; в учебных курсах стали появляться краткие философские словники, объяснявшие значения философских терминов и указывавшие, как правило, их латинские и французские эквиваленты.

Профессиональная философия способствовала секуляризации философской мысли, отделению философии от богословия, и тем самым более строгому определению предметной области философии. В целом профессиональная философия соответствовала тому направлению в русской культуре и мысли, которое позднее получило название западничества.